

Карнавал насмерть

Автор:

Анна Литвиновы

Карнавал насмерть

Анна и Сергей Литвиновы

Отчим Тани Садовниковой, отставной полковник внешней разведки Валерий Ходасевич, во время чемпионата мира по футболу неожиданно стал страстным болельщиком. И даже пригласил любимую падчерицу поехать в волжский город на один из ключевых матчей. Ходасевич достал билеты на бесплатный поезд, специально выделенный для болельщиков. Дорога туда прошла без происшествий, а вот на обратном пути выспаться не удалось – в соседнем купе произошло убийство...

Анна и Сергей Литвиновы

Карнавал насмерть

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Карнавал насмерть

Весь рассказ, от первой до последней буквы, является выдумкой авторов, и за него не несет никакой ответственности ни ФИФА, ни оргкомитет чемпионата мира по футболу 2018 года, ни ОАО «РЖД», ни иные организации, аффилированные с ними – равно как и частные лица.

Также не следует искать никаких прообразов ни в числе персонажей, ни в виде города М., который вобрал в себя черты нескольких российских приволжских городов.

1

Дикий крик потряс вагон.

Таня выскочила в коридор. Вопль раздавался из соседнего купе. Дверь оказалась полуоткрытой.

Она заглянула туда. На нижней койке навзничь лежал давешний толстый мужчина.

В грудь его по рукоятку был всажен нож.

Вся постель залита кровью.

А около безутешно рыдала, спрятав лицо в ладонях, красавица-жена.

2

Валерий Петрович Ходасевич полюбил футбол.

Казалось бы, почему? Зачем ему? Что полковник внешней разведки (в отставке) нашел в этом виде спорта, между нами говоря, достаточно плебейском? То ли дело гольф! Или теннис! Или поло! (Не водное, разумеется, а то самое, аристократическое – на лошадях.)

Таня отчима, между прочим, об этом спрашивала, а он в ответ: в теннис и гольф я играл, и неплохо. И даже пару фотографий продемонстрировал: молодой, стройный, худенький, явно в заграничных декорациях, ракеткой на корте замахивается, с клюшкой у лунки позирует.

- Теннис с гольфом – виды спорта славные. Но, – продолжил Ходасевич, – нигде я такой энергетики, такого драйва не испытывал, как на дерби, к примеру, «Фла» – «Флу».

- Это еще что за зверь?

- Встреча двух самых популярных бразильских команд, «Фламенго» и «Флуменесе». Соперничество такое, что «Спартаку» с ЦСКА не снилось!

- Ты и в Бразилии бывал?

- Бывал – не то слово!

- Это как?

- Нес я там трудную службу, Танечка. Вдали от России. Почти три года. Пока одна сволочь не сдала меня главному противнику.

- И что ты?

- Расстреляли, разве не видишь!

С годами Валерий Петрович становился болтливей, и если раньше о своей службе в качестве нелегала он молчал, как кремень, – ни слова, где работал, когда, кем, под каким прикрытием, то в последнее время начинал в разговорах с Татьяной слегка проговариваться. Оно и понятно: скучно, когда о большей (и, наверное, интереснейшей) части своей жизни, лет двадцать пять – тридцать, невозможно никому, даже самым близким людям, ни крошки рассказать.

Но когда Садовникова – интересно же! – начинала углубляться в подробности, расспрашивать: что творил, где? – Ходасевич сразу замыкался или отделялся шуточками. Так и тут: едва она схватилась, честно сказал:

– Давай, Танюшка, лучше о футболе.

– О футболе так о футболе, – вздохнула девушка. – Знаешь, я вот чего не понимаю: если ты бразильский футбол видел – как ты можешь после него наш смотреть?

– А я не только бразильский лицезрел, но и аргентинский, и уругвайский, и испанский. Потому наш и не смотрю. Почти.

Однако, когда Таня заезжала к старичку, вечно у него был включен спортивный канал, на котором двадцать два мужика хаотично бегали по газону и летал взад-вперед черно-белый мячик. Вся квартира постепенно оказалась завалена «Спорт-экспрессом» и «Советским спортом» – газеты открыты на страницах разных букмекеров, испещрены пометками.

– Так ты своим футболом деньги зарабатываешь?! – вопрошала Таня.

– Пока учусь только, – скромно отвечал экс-полковник, однако благосостояние его, на первый беглый взгляд, ощутимо выросло. Он прикупил себе кожаный портфель, твидовый пиджак, стильное кепи в английском духе. А однажды даже – чего не случилось лет пять – пригласил Татьяну в ресторан. Правда, и там одним глазом косился в установленный над стойкой телевизор, где скакал по газону мячик.

А потом в стране случился чемпионат мира. Случился, впрочем, не то слово. Готовились к нему долго, ждали, рассчитывали, уповали.

И Валерий Петрович – удивительное чудо! – обычно из своей квартиры без крайней необходимости никогда и никуда не выходивший, даже отправился в Лужники, на новый стадион, смотреть матч открытия! Таня потом поинтересовалась на сайте ФИФА: билет, даже самый дешевый, стоил сумасшедших денег. Откуда у пенсионера, пусть и ветерана СВР[1 - СВР – служба внешней разведки.], средства? Да и с чего он вдруг решил разориться?!

Вернулся с матча Валерий Петрович вдохновленный. На него, всегда очень сдержанного и привыкшего, как говорится, постоянно фильтровать базар, было даже не похоже. Но он сразу, радостный, позвонил Татьяне по видеосвязи и

выглядел чрезвычайно довольным. Ему понравилась и громада нового реконструированного стадиона, и то, как быстро удалось на него войти (а потом выйти), и пиво, что там стали продавать, и сама игра, где российская сборная победила – пусть не самую сильную команду, зато разгромила.

– Да, – произнес экс-полковник мечтательно, – удобства совершенно не такие, как когда Пеле в СССР приезжал. В ту пору – деревянные скамеечки без спинок, а теперь сидишь, как король.

Таня потом не поленилась, поглядела в Википедии: великий бразильский нападающий Эдсон Арантис ду Насименту, он же Пеле, играл в столице единственный раз – в 1965 году. Значит, в середине шестидесятых отчим еще был в Москве, еще не начались его бесконечные заграничные командировки. Учился, наверно, в своей разведшколе, в краснознаменном институте?

Вдруг захотелось даже, опираясь на обмолвки экс-полковника, звучавшие в разное время, составить хронологию его жизни и карту странствий. Хотя что с чекиста возьмешь, он ведь и наврет с три короба, насочиняет – так, что ты даже не заметишь подвоха, примешь все за чистую монету.

А футбольное помешательство ветерана продолжалось. Пока шло всепланетное первенство, как ни позвонит ему Садовникова – все время на заднем плане слышен бешеный речитатив комментатора и гул трибун. И сам Валерочка в разговоре с нею до обидного нетерпелив: «Танюшка, прямой эфир, давай я тебе перезвоню, как матч закончится».

А затем вдруг от него последовало предложение: поехать (!) вместе (!!) в город М. на Волге – специально смотреть футбольный матч (!!!).

Да еще если б там наши играли! Нет, англичане с какими-то латиноамериканцами. Татьяна даже с матерью (и бывшей женой Ходасевича) Юлией Николаевной втихаря советовалась: а не сошел ли, часом, дедуля с ума? Не постиг ли его старческий маразм?

Сообща с родительницей пришли к выводу: ехать Татьяне с отчимом надо, потому что отговорить от поездки Валерия Петровича нечего даже пытаться – а проследить за ним все равно треба, потому что вдруг, не дай бог, скачок давления, приступ атеросклероза. Мало ли! Годы уже какие! Вдобавок безумные

фанаты из разных стран, подогретые возлияниями, непривычная для полковника, не собственноручная, не домашняя пища... Короче, присмотр и сопровождение ему совершенно необходимы.

Опять-таки – некуда деваться! Отчим на себя и на Таню билеты на игру, как он сказал, уже приобрел. А тикеты – именные да недешевые.

Короче, надо тащиться.

Счастье, что погода в то лето на Центральной европейской равнине стояла прелестная. Солнечно, без дождей, но и не жарко. В М. обещали, правда, до тридцати, но зато в Волге-матушке можно будет искупаться.

Поначалу казалось – особенных временны?х и финансовых затрат поездка не принесет. За билеты на матч платил отчим и категорически настаивал, чтобы никак иначе. Игра планировалась в субботу вечером, поэтому (рассчитывала Татьяна) можно один уик-энд на поездку угрохать. Тем более она так давно не ездила с Валерием Петровичем никуда отдыхать! Если и оказывались вне дома вместе, то главным образом ради того, чтобы экс-полковник свою непутевую падчерицу из разных переделок вытаскивал[2 - См., например, романы Анны и Сергея Литвиновых «Девушка без Бонда», «Парфюмер звонит первым»].

Но потом начались проблемы. Билетов в М. на подходящие даты не оказалось никаких – ни железнодорожных, ни авиационных, ни дешевых, ни дорогих. На автомобиле отчим отказался ехать наотрез, да и Тане тоже мало удовольствия было бы по нашим дорогам восемьсот километров рулить. Гостиницы в месте пребывания тоже стоили умопомрачительно.

Однако Ходасевич решительно проговорил: «Таня, не волнуйся. Я все урегулирую». А она настолько, честно говоря, устала от того, что ей в последнее время все на свете приходится решать самой, что с облегчением ему передоверилась. Тем более что Валерий Петрович добавил: «И пусть финансовый вопрос тебя не волнует – абсолютно все расходы я, как приглашающая сторона, беру на себя. К тому же у меня и в городе М. остались хорошие связи, и в «эмпээс» тоже». «Эмпээсом»[3 - МПС – министерство путей сообщения.] он по старинке называл РЖД.

Но та логистика, что он в итоге представил падчерице, никакого восторга у нее не вызвала. Скорее наоборот – вселила замешательство и тревогу. Ехать им предстояло туда, в город М., а также обратно в столицу, на специальном поезде, который оргкомитет матча запустил исключительно для болельщиков. Пускают туда только своих, с предъявлением билета на матч. Татьяна как представила себе орды полупьяных фанатов, забивших купе, плацкарты и теплушки (и ее самое со старичком отчимом среди них!), так пришла в ужас.

– Зато билеты совершенно бесплатные! – с гордостью провозгласил разведчик в отставке.

Таня, безмерно шпиона в отставке уважающая и всегда и во всем его поддерживающая, тут, наоборот, не удержалась от шпильки:

– Ну да, Валерочка! Ты прям как настоящий пенсионер стал. Не можешь пройти мимо халявы.

– Все будет хорошо, я тебе обещаю, – кротко проговорил Валерий Петрович.

Вдобавок ко всему билетов на тот поезд, чтобы прямо в день матча в М. приходил, все равно не нашлось.

Отбывали из Белокаменной в среду, а с четверга по субботу в ожидании игры требовалось перекантоваться в городе на Волге.

– Зато ни одного матча по телевизору, пока будем в поездах качаться, не пропустим! – поспешил обрадовать отчим.

– Мне это, конечно, куда как важно, – съязвила Таня. – Угу, ни в коем случае не пропустить футбик.

– И гостиницу я заказал прекрасную, – бодро заверил полковник. – В самом центре города, на берегу. Два отдельных номера, разумеется.

– Наверное, заплатил кучу денег.

– Гостиница бывшая ведомственная, поэтому мне по дружбе сделали с огромной скидкой.

Неизвестно, врал ли. И чьего ведомства гостиница? Но Садовниковой не хотелось докапываться, выяснять, да ведь шпион в отставке все равно правды не скажет.

И только одна радость: обратный рейс уходил из М. и прибывал в Первопрестольную более-менее приемлемо – сразу в ночь после матча отправлялся, вечером в воскресенье на Казанский вокзал причапывал. Рабочий понедельник не пропустишь, и без того пришлось на четверг и пятницу отгулы брать.

Ну что теперь оставалось? Надо ехать.

3

Как ни странно, весь околофутбольный антураж Татьяне сразу понравился. И даже очень.

Начнем с того, что еще при посадке в поезд, следующий в город М., в Москве, на Казанском вокзале, оказалось – едет много достойных людей. Не какая-нибудь гопота уркаганская и не бритые английские фаны, а интеллигентные товарищи разных возрастов и наций. А полу в основном (что дополнительный бонус) мужского.

Были все милы, предупредительны, водки, как правило, не пили – в основном нажимали на пивасик. В купе с Таней и отчимом оказались два молодых парня – категорически отказались пускать ее на законное верхнее место (где она вообще-то езживать любила) и принялись наперебой за ней ухаживать. И хоть оба были явно не герои ее романа – молодые, вчерашние студиясы, – но то, как они таскали ей от проводницы кофе и печенье, говорили комплименты, рассказывали анекдоты и вообще всячески распушали перья, не могло девушке не понравиться.

Вагон тоже оказался чистенький, проводницы милые и предупредительные, по поезду, во избежание эксцессов, то и дело проходил взад-вперед полицейский

наряд. В остальных купе помещались и китайцы (что странно – их команда вообще на чемпионате не играла), и колумбийцы, и аргентинцы, и мексиканцы, и французы, и пара немцев. Натуральный Ноев ковчег. Можно было и английский свой потренировать, и полузабытый французский освежить. В итоге за дорогу Татьяне десяток визитных карточек насовали. Можно будет впоследствии рассортировать и продолжить с подходящими кандидатурами знакомство.

Приволжский М. тоже произвел приятное впечатление.

На вокзале играл живой оркестр, милые волонтеры протягивали «дай пять» и раздавали бесплатные карты города.

«Яндекс-такси» работал, шофер лишку по дороге до отеля не взял.

Гостиница и впрямь оказалась на самом берегу, называлась, ясное дело, «Волга», и из окон ее открывался широкий вид на главную российскую реку.

Улицы, выходящие к судоходной артерии, здесь называли спусками. Вдоль набережной тянулся длиннющий песчаный пляж – как с гордостью говорили, самый большой в Европе. По отреставрированному чистенькому променаду фланировали гости из самых разных уголков земли: в сомбреро, беретах, пилотках, каскетках, кокошниках, шапокляках; с лицами, изрисованными в разные цвета радуги, полузавернутые в свои и чужие флаги. Никто никого не бил, не домогался – напротив, все были милы и экстремально дружелюбны, наперебой фотографировались, обнимались и желали друг другу победы – если даже болели за противоположные команды, которым завтра предстояло сойтись в поединке.

На набережную в поисках веселья и перспективных знакомств выходили и местные – в основном девушки. Гости, украшенные бейджиками болельщиков, пользовались особым вниманием – как двадцать лет назад те, кто вытаскивал на публике первые сотовые телефоны.

И вообще в городе царил атмосфера, каковой никогда не видывали на нашей земле, – та, которую Ходасевич встречал только в Южной Америке, а Татьяна, скажем, в Венеции или в Испании: дух карнавала, беспричинного веселья, беспечного праздника, и это было так необычно, так приятно!

День приезда путешественники провели на пляже. Ходасевич, несмотря на возраст, очень прилично, как оказалось, плавал кролем.

Таня составила партию в пляжный волейбол немцу и двум французам.

За завтраком в пятницу Садовникова с отчимом познакомились с милейшей, интеллигентнейшей английской четой: от пятидесяти до шестидесяти, никаких болельщических закидонов типа татуировок и неумеренного пива, прекрасный аристократический акцент. Живут, правда, в какой-то дыре – Престон, графство Ланкашир, зато работают в крупной научно-исследовательской компании. Звали их типично по-английски, как оба над собой подтрунивали: Джон да Мэри. Футбол они да, любили, причем оба, даже жена, однако чемпионат оказался для супругов только поводом, чтобы побывать в России. После М. они еще собирались в Нижний Новгород, Самару, Саранск, а потом посетить Краснодар, Сочи и, наконец, как жемчужину в короне – Санкт-Петербург.

Старички (разумеется, с точки зрения Тани, для отчима оба новых знакомца были в самом соку) девушке так понравились, что она даже предложила стать для них на время нахождения в М. проводником и гидом – разумеется, бесплатным. Предложение было с восторгом принято. Отчим тоже решил принять участие в экскурсиях.

Он был с англичанами совершенно очарователен, развлекал и веселил всю компанию. Язык у него оказался на прекрасном уровне, только с небольшим (как показалось Тане и как отметили новые знакомцы) латиноамериканским акцентом. Экс-полковник отшутился тем, что у него школьная учительница была родом из республиканской Испании.

В итоге все вчетвером взяли на день кар-шер или дели-мобиль (англичане изумились, что в российской глубинке эта услуга тоже доступна) и осмотрели все основные достопримечательности приволжской жемчужины: кремль, музей космонавтики, бункер Сталина, Печёрский монастырь.

В субботу дружба упрочилась совместным пикником на другом берегу Волги – или, как тут говорили, в «заволге» (ударение на «а»). Переплыли реку на катерке, который местные называли «омиком», расположились вчетвером на полузаброшенной турбазе. Немногословный служитель притащил провизию и кухонные аксессуары, разжег мангал – и тут отчим продемонстрировал

настоящий класс в приготовлении shashlik, а также сварил ведро «русских речных лангустов» – раков.

Несмотря на возраст, казалось, что и длительные прогулки, и постоянное общение даются отчиму легко. Он вообще посвежел и помолодел лет на десять.

Однако перед матчем с английской парой расстались – билеты у них оказались на разные трибуны, а сразу после игры Садовникова и Ходасевич отправлялись на вокзал. Мэри с Джоном еще оставались в М. до утра, а потом отправлялись в Самару на арендованной машине.

Прощались со слезами на глазах. Естественно, обменялись адресами – электронными и реальными. Обещали держать друг с дружкой связь.

4

О самом матче Англия – Коста-Рика мы рассказывать не будем. Он с разных ракурсов показан по телевидению, разобран по косточкам спортивными комментаторами и профильными изданиями во всех странах мира. Да, игра получилась выдающаяся! После того как костариканцы вели 2:0, англичане сжали волю в кулак и на протяжении одного тайма залудили латиноамериканцам три банки, причем последнюю – в добавленные четыре несчастные минутки. Бедные веселые свободолюбивые заокеанские гости натурально плакали. Английские болельщики бурно ликовали и прямо на трибунах швыряли вверх бокалы с пивом, обливая себя и всех окружающих. Эмоционально зрелище очень вдохновляло и даже в итоге опустошало[4 - В реальности матча Англия – Коста-Рика на чемпионате мира не происходило, сам его факт и все перипетии являются домыслом авторов.].

Тане тоже очень понравилась игра и весь огромный, дышащий и ворочающийся, как невиданное животное, красавец-стадион с его сорокатысячным разноплеменным народонаселением; понравилось быть в этом эмоционально напряженном поле, да рядом с любимым старшим товарищем-родственником, отчимом.

Но мы ведь пишем не о футболе – нет, совсем не о футболе. Поэтому давайте лучше немедленно перенесемся в специальный литерный поезд ФИФА, который

после матча, в два часа и пять минут ночи, отправился напрямиком в Москву.

У Ходасевича и Тани билеты были в седьмой вагон, сразу после ресторана. Вследствие последующих трагических событий (а также, простите за каламбур, того следствия, которое Садовникова совместно с отчимом вела) это обстоятельство, равно как и другие события и персоны, сопровождавшие поездку (и предварявшие убийство), запомнились девушке ярко, выпукло – навсегда.

Поезд отходил среди ночи, многие истомились его ждать, поэтому на крытом перроне главного вокзала М. образовалось даже нечто вроде очереди, которую встречали у дверей купированного вагона проводницы. Одетые в безупречные фирменные платья со значками, они стояли навтыяжку – исключительно любезные, натренированные и даже знающие пару-тройку фраз по-английски. Одну из них звали Люба, вторую – Наташа. Люба была высокая, худая, даже болезненно худая, и чуть сутуловатая, притом с очень милым лицом, милой улыбкой и рыжеватыми волосами, собранными в две косички. Наташа – маленькая, беленькая, однако, если присмотреться, можно было увидеть в ее лице и красоту, и ум, и силу. На заигрывания и даже на откровенное хамство преимущественно мужского населения вагона они реагировали вежливо, но непреклонно, ни малейшего повода перевести отношения в игривую плоскость не давали.

Первыми на борт ступили пятеро англичан. Они, подогретые игрой и победой, выглядели (в отличие от интеллигентных Джона и Мэри) как натуральные фанаты-островитяне (каковыми их Татьяна всегда себе представляла): бритые, татуированные, с невнятным кокни-прононсом. Четверо мужичков около сорока и к ним прибилась одна совсем юная деваха – все в белой форме своей сборной, в разноцветных русских ushanka, украшенные значками советского периода. Все, откровенно говоря, не вязали лыка. Пытались прямо на перроне петь боевые песни с припевом «It`s coming home!»[5 - Гимн болельщиков английской сборной: «Он возвращается домой!» Под местоимением «он» имеется в виду кубок мира, а «домой» – потому что именно Англия считается родиной и колыбелью футбола.], заигрывали с девочками, проверявшими билеты, но настолько невнятно, что не только те, но и Таня с отчимом ничего в их бормотании не понимали.

Помимо вещей у саксов имелись с собой вставленные один в другой пластиковые сувенирные бокалы из-под пива, в которые на стадионах разливали пенный напиток. На стаканах значилось, на каком конкретно матче и в каком городе

пиво из него было испито. А если у бокалов выдернуть пластинку-ограничитель, они во имя рекламы фирмы-производителя начинали мигать-переливаться красными огоньками. Вот и сейчас островитяне озаряли ночной перрон пивным цветением. По количеству стаканов в лапах каждого можно было составить представление, сколько они сегодня приняли – получалось по четыре-пять литров на душу, однако Таня была уверена, что стадионным напитком дело не ограничилось, и в пассажирах с Альбиона плескалось еще немало огненных жидкостей, включая Russian vodka. Кроме того, в полиэтиленовых пакетах, которые они тащили с собой, тоже что-то побулькивало и позвякивало.

Следующая компания была русская, и в ней также было нарушено гендерное равновесие: двое мужчин и одна девушка. И они тоже были весьма нетрезвы – во всяком случае, мужчины. Один – болезненно толстый, неопрятный и даже вонючий (когда проходил мимо, Таня это отметила). Вторым, напротив, очень худым, с ввалившимися скулами – и с лицом не то чтобы пьяным, но каким-то, как говаривал отчим, «малахольным»: в его глазах просвечивала определенная безуминка и то, что называется «не от мира сего». Впрочем, и пьяны оба были, конечно, изрядно. Толстый даже задирал стоявших впереди англичан – бормотал нечто вроде: «Ну чё? Выиграли, да? Думаете, вы тут главные, да? А вот тут хрен вам! Англичанка гадит! Мы вам еще воткнем фитиль в одно место!» Не понимая ни слова, островитяне от него отмахивались – впрочем, довольно беззлобно. А он все продолжал и продолжал к ним вязаться. Вторым, худым, глядел на спутника зло и гневно, глаза его, как пишут в старых романах, метали искры – однако он тоже не вмешивался, метал свои искры и метал.

Женщина, спутница обоих, была, в отличие от них, почти совсем трезва. И еще что бросилось Тане в глаза – она выглядела совсем не расслабленной (как все в М., кто имел отношение к футболу, в тот день, ночь и вечер), а, напротив, весьма напряженной: губы плотно сжаты, брови нахмурены. В тот момент Татьяна списала суровость в ее лице на состояние спутников – кому охота, спрашивается, быть нянькой при двух пьянотах? Судя по кольцам на безымянных пальцах, толстый и самый невменяемый был ее муж, а вот что тут делал второй – болезненно худой, с болезненными глазами?

Причем эта молодая дама, лет тридцати с небольшим, была настоящей русской красавицей: высокая, статная, с хорошими руками и плечами, с пышной гривой волос и с мощными, несколько грубыми, но очень правильными чертами: большим ртом, точеным носом, ослепительными глазами. На нее поглядывали все мужчины вокруг – но никто, включая англичан, которым море по колено, не

смел даже заговорить с ней. Чувствовалось, что она знает себе цену – и цена эта высока. «Вот женщина в русских селеньях! – мелькнуло у Татьяны. – Охота ей была таскать с собой этих двух пьяных засранцев да и вообще связываться с тем толстым идиотом! Ладно, первый – муж, а второй ей кто?»

А толстяк все цеплял сегодняшних победителей, бормотал нечто уж совершенно несвязное. И тут дама, наконец, подала голос – тихо, но до чрезвычайности строго произнесла: «Гарик, ну-ка немедленно прекрати!» – и толстяк тут же увял.

С громадным трудом, чуть не срываясь, гости из-за Ла-Манша, наконец, один за другим преодолели высокие ступеньки и загрузились в вагон.

За ними последовала странная семейка из трех персон.

Отчим тем временем стоял на перроне в сторонке, чтоб никому не мешать, и покуривал. После сегодняшнего насыщенного дня он слегка сдулся. Еще бы! Столько событий и впечатлений! Шашлык и раки с англичанами на правом берегу, потом матч, и теперь – отъезд среди ночи. А ведь лет Валерию Петровичу ох немало – и все они стали теперь заметны на его лице и обрюзгшей фигуре.

Таня тоже не спешила садиться в поезд – приятная ночная прохлада освежала после длинного жаркого дня. Девушка с любопытством рассматривала подходивших пассажиров.

Оказались в их вагоне и трое вездесущих китайцев с одной китайкой; и необычная компания из трех интеллигентных старичков, лысеньких и седых, с мальчиком лет двенадцати – видимо, внуком одного из них. Появились здесь и двое brutальных, коротко стриженных (но с окладистыми бородами) парней, похожих на исландских болельщиков, – но нет, то были не скандинавы, говорили они по-русски и татуировками были покрыты отечественного извода, все больше на языческо-героическо-славянские темы. Ждал своей очереди и одинокий молодой человек, высокий и очень красивый, и грустная молодая и очень милая пуэрто-риканская парочка.

В итоге латиноамериканцы как раз достались в соседи Валерию Петровичу и Тане. А купе им выпало самое крайнее, беспонтовое, у туалета. Впрочем, надо

отдать должное проводницам Любви и Наташе, а также ОАО РЖД (или, в трактовке отчима, МПС): из мест общего пользования совершенно не пахло и дверь там не грохотала.

Пуэрториканцы немедленно забрались на верхние полки. Таня опустила для них плотную шторку, прокомментировала с улыбкой: «Чтобы создать у нас романтическую атмосферу», – латиноамериканцы посмеялись и почти сразу уснули. А Садовникова поинтересовалась у отчима: «Валерочка, а почему ты с ними по-испански не разговариваешь? Ты ведь знаешь язык прекрасно».

Отчим пробурчал в ответ: «Никогда не надо выдавать лишнюю информацию».

Татьяна заправила постели ему и себе с присказкой: «Феминизм феминизмом, а есть вещи, которые женщины изначально делают лучше мужчин», – и отчим немедленно передел свое тело в пижамку и отдался в объятия Морфея.

Падчерица еще сходила, заказала у проводниц чаю. Попутно осмотрела, кто как разместился. Двери купе, накалившихся в течение дневной стоянки под солнцем, во всем вагоне были раскрыты, и девушка с любопытством посматривала, кто где расположился и что поделывает.

В купе рядом с ними оказалась давешняя троица: красавица-девица плюс двое мужчин – толстый-пьяный да худющий с малахольными глазами. К ним в довесок поместили одного англичанина. Остальные четверо гостей с Альбиона заняли купе по соседству. Они не то чтобы угомонились, но завод и у них, похоже, кончился, и они угасали над пластиковыми бутылками доброго жигулевского пива.

Еще одно помещение заняли китайцы. В следующем обосновались старички с ребенком. Мальчик уже тихо спал на верхней полке, а пенсионеры разложили на столике снесь и чинно обсуждали шансы и сильные стороны российской сборной в предстоящем матче с Хорватией.

Остальные купе заняли двое неформалов – поклонников Перуна и разные люди, с бору по сосенке, все мужички, в том числе тот красавчик, который, как обидно, на Татьяну не обратил ни малейшего внимания.

Когда она возвращалась к себе, произошла еще одна неприятная история.

Толстый пьяный мужик (тот, что в компании с красавицей-женой) чем-то в вагонном коридоре задел татуированного «славянина». (Начала свары девушка не слышала.) «Язычник» разозлился. Произнес тихо, но отчетливо угрожающе: «Будешь тут мне выступать – перо в бок получишь, понял?» Красотка-жена выбежала в коридор, зашипела: «И впрямь, Гарик, хватит уже! Всех достал! Пошел спать!» И тот покорно потек в купе.

Постепенно все уgomонились.

Таня включила ночничок и выпила свой чай. Отчим на соседней лавке самозабвенно храпел. Примерно с такой же силой кто-то храпел из соседнего купе, вероятно, тот самый жирный алконавт – толстые люди склонны спать шумно.

То ли от этих звуков, то ли от многочисленных впечатлений дня, то ли от выпитого чая Татьяне не спалось. Пару раз она выходила в коридор. На улице уже светало – июньские ночи коротки. Все в поезде дрыхли – Морфей одолел даже самых заядлых. В некоторых купе двери были не заперты, в других и вовсе полуоткрыты, но спали, казалось, все. Но, наконец, сон таки сморил и Садовникову.

А когда она, наконец, заснула – казалось, не прошло и минуты, – благостную тишину вагона прорезал дикий крик.

5

Ей, похоже, все-таки удалось забыться капитально, потому что в первый момент Татьяна не могла понять, где она. Что происходит? Кто кричал? Потом, в несколько секунд, пришло осознание: поезд. Болельщики. Возвращаемся в Москву. Но что случилось?!

Вверху заворочались костариканцы. На соседней койке проснулся отчим. Не крутился, не сопел, только спросил удивительно трезвым и не заспанным голосом: «Таня, ты в порядке?» – «Да».

А она уже вскакивала, быстро натягивала шортики.

Поверх майки накинула тунику и выбежала в коридор.

Крик не повторялся, но его сменил женский плач, почти вой. Доносился он из соседнего купе. Дверь туда была полуоткрыта.

Таня заглянула внутрь. На нижней койке навзничь лежал все тот же толстый мужчина. В грудь его по рукоятку был всажен нож. Вся постель залита кровью. А около безутешно рыдала, спрятав лицо в ладонях, красавица-жена.

Через минуту рядом появился отчим. На удивление, он оказался уже не только переодет в цивильное, но и причесан, собран и даже, как могло показаться на первый взгляд, свежевыбрит.

Почти сразу же возникли проводницы, обе встрепанные, заспанные, с безумными глазами. Ходасевич коротко и тихо скомандовал им: «Вызывайте наряд. В купе никого не пускать». Сила его личности оказалась такова, что худенькая Любовь немедленно бросилась исполнять.

С верхней полки вытаращился, проснувшись, англичанин. Долго не мог осмыслить происходящее и, наконец, произнес: «Bloody hell».

А потом с противоположной полки выглянул худой малахольный спутник. Посмотрел, ахнул, закрыл лицо руками – и снова в ужасе спрятался.

Еще через минуту явилась полиция – все трое с расстегнутыми воротниками, вкривь-вкось нахлобученными фуражками. От них пахло вонью с вечера принятой водочкой.

– Освободите помещение! – гаркнул первый, старшой – молоденький лейтенант. Потом всмотрелся в лицо Ходасевича: – О! Валерий Петрович! Как вы здесь?!

– Узнал? – усмехнулся отчим.

– Да кто ж вас не знает! – А потом всмотрелся в диспозицию в купе и чуть не всхлипнул: – Боже мой! Труп! Да за что ж мне такое наказание?! – Он готов был схватиться за голову от отчаяния, однако на полпути сообразил, что этот жест позорит честь мундира, снижает его личный авторитет перед подчиненными и

гражданскими лицами, да и за фуражку на голове не больно-то удобно хвататься, поэтому остановил свои руки и выдохнул: – Да почему ж именно мнесто? Во время чемпионата! Здесь! В литерном поезде! Как некстати!

А проводница Любовь, влезая, торопливо отрапортовала:

– Все двери, ведущие в вагон, были на ночь закрыты! С обеих сторон! На технический ключ!

– Видите, товарищ лейтенант? – усмехнулся полковник в отставке. – Значит, никого постороннего здесь не было. Только мертвец и мы, тридцать пять оставшихся пассажиров. Да две проводницы. Куда как просто вычислить убийцу.

– Валерий Петрович! Зачем вы смеетесь! У нас приказ: ни при каких обстоятельствах литерный поезд не останавливать! Должен прибыть в Москву по расписанию при любом раскладе. И что я буду теперь делать?! С трупом?!

Красавица-жена в купе перестала плакать, но сидела на нижней полке, закрыв лицо руками. Ее второй спутник, «малахольный», а также испуганный англичанин со своих верхних полок не показывались. А в коридор уже стали выходить пассажиры седьмого вагона, а самые смелые даже подбирались ближе: китайцы, молодая пуэрто-риканская парочка, двое «славян», пожилые интеллигенты. И только мальчугана видно не было – то ли спал, то ли деды категорически запретили ему любопытствовать.

Ходасевич меж тем вполголоса наставлял лейтенантика, учил уму-разуму:

– Прежде всего выгони всех свидетелей из купе. Организуй осмотр места преступления. И пусть один из твоих пригласит всех до единого пассажиров вагона, включая проводниц, пройти в вагон-ресторан – без вещей, но с документами.

Мальчишка-лейтенант внимал, постепенно светлея лицом.

Татьяна все время находилась рядом с отчимом. Не отступала ни на шаг. Поэтому слышала, как тот шепнул лейтенанту:

- После осмотра места преступления проведи негласный обыск багажа всех пассажиров. И всего вагона.

- А что искать?

- Откуда же я знаю! Всё подозрительное. Только будь предельно осторожен, не демаскируй себя. Полон поезд иностранцев.

А пока перебирались в вагон-ресторан, бывший шпион дал указание Тане:

- Будешь записывать абсолютно всех. Составь табличку. Фамилия, имя, отчество. Возраст, адрес. И обращай внимание на то, какие между ними связи.

- Связи? Какого рода?

- Не знаю. Но спящих людей не убивают просто так, ни за что. Одним смертельным ударом в грудь. Это не разборка по пьянке. Тогда была бы борьба, ссадины, беспорядочные порезы.

- Может, это жена мужа порешила? Надоел он ей, пьянот, хуже горькой редьки.

- Вряд ли. Нож - не характерное для женщины орудие убийства.

- А какое характерное?

- Яд. И потом, если он действительно муж, она имела десять тысяч возможностей расправиться с ним в домашних условиях. Почему здесь, в поезде?

- Может, кто-то другой из пассажиров? На почве внезапно возникших личных неприязненных отношений? - торопилась внести свою лепту в расследование Таня. - Например, англосакс из купе его пырнул? За то, что тот к нему на перроне приставал? Или кто-то из братков-«славян», с которыми он в коридоре повздорил? Угроза ведь пырнуть была? Вот он и осуществил, так сказать, свое

преступное намерение!

Пока они шли в вагон-ресторан, переходили тамбур, раскачивались над бешено несущимися путями, девушка вольно или невольно подделывалась под деловой, лапидарный стиль полковника, даже лексику старалась использовать, как ей казалось, из арсенала следователей: «неприятельные отношения», «преступные намерения».

- Это вряд ли, - чрезвычайно весомо ответил шпион в отставке.

Постепенно в ресторан подтянулось все народонаселение вагона номер семь. Двое полицейских в младших чинах, которые сопровождали и вежливо подгоняли пассажиров, способствовали тому, что собрались достаточно быстро. Пассажиры занимали свободные столики, негромко переговаривались - встрепанные, непохмеленные, многие в дезабилье.

Уже совсем рассвело, и поля и рощи - мокрые от росы, зябкие со сна, туманные - неслись за окнами вагона.

Из ресторации предварительно выгнали ночевавших тут, на банкетках, официанта и уборщицу.

Народ занял столики. Расселись - напуганные, настороженные: все пятеро англичан, четверо китайцев, двое пуэрториканцев. А до кучи - жители родной сторонки: жена убитого с перевернутым лицом и жмующийся к ней худой малахольный парень непонятного статуса. Трое старичков и мальчонка. Двое служителей культа Перуна (или кому там поклоняются язычники?). И еще - четверо парней разного возраста, в том числе тот красавец лет тридцати пяти, что ни разу даже не взглянул на Татьяну. Плюс обе проводницы. Плюс, разумеется, Таня и отчим. И бригадир поезда. И один полисмен в чине то ли старшины, то ли сержанта (Садовникова в мелких воинских званиях не разбиралась, те, кто ниже лейтенанта, для нее были солдаты).

Когда, наконец, все расселись, Ходасевич встал перед народом и, не представляясь и никак не обозначая себя и свои полномочия, сделал заявление, а потом повторил спич на своем прекрасном английском. По-испански он выступать не стал - шухарился почему-то, однако пуэрториканцы и без того инглиш поняли. Насколько уразумели китайцы, неясно, но один из них

прочирикал по-своему – видимо, перевел сказанное товарищам и единственной товарке.

Таня горделиво отметила, что выглядел Валерий Петрович настолько адекватно взятой на себя роли и настолько внушительно, что ни у кого даже не возникло вопроса, кто он, собственно, такой и по какому праву тут распоряжается.

– Произошло убийство, поэтому просьба ко всем присутствующим зарегистрироваться в качестве свидетелей. – И ни слова ни о каком частном расследовании, которое он намеревается произвести. – Просьба каждому подойти и записать свои соцдемографические данные у моей помощницы.

Татьяна возгордилась, конечно, что Ходасевич чуть не официально возвел ее в ранг своей помощницы, и приняла по возможности внушительный вид.

По совести говоря, в новообретенной должности доктора Ватсона ее несколько смущали сланцы на босу ногу. Вдобавок не хватало макияжа, да и просто умыться тоже бы не помешало. Но где и когда, спрашивается, убийство происходило в комфортных условиях!

Таня явочным порядком устроилась за барной стойкой. С одной стороны, тяжело, что не сидя, а на ногах. Зато хорошо видно всю игровую площадку и – внушает уважение.

Один из полисменов дал ей обгрызенную, замусляканную авторучку и пару листов бумаги. Садовникова быстренько расчертила таблицу: в каком купе ехал свидетель-подозреваемый, номер его места, фамилия-имя-отчество, пол, год и место рождения, адрес по прописке, семейное положение, дети. Если вдуматься, огромное количество информации можно считать по самому обыкновенному паспорту.

К ней стали поочередно подходить, и она записывала, краем глаза подмечая, что происходит и кто как ведет себя в обеденном зале.

Отчим как бы невзначай прогуливался по салону, подходя то к одному, то к другому из столиков и обмениваясь с пассажирами репликами. Таня понимала, что он, во-первых, исподволь регулирует сам процесс регистрации, а во-вторых, своими невинными вопросами прокачивает присутствующих на предмет

убийства.

И совершенно не случайно (а наверняка волею Ходасевича) первыми в очереди оказались спутники убитого по купе: красавица-женщина с заплаканными глазами и худющий молодой человек с ввалившимися щеками. Молодой человек этот все время совершал какие-то странные движения: то приглаживал рукой волосы, то оправлял рубашку на груди. Да-да, он оказался в рубашке, застегнутой на все пуговицы, включая верхнюю. И глаза у него, как и вчера, были странные – тогда-то можно было списать это на алкоголь, но теперь ночь прошла, было время протрезветь.

И еще Таня заметила: да ведь они с красоткой похожи! Похожи – но так, как бывает сходен прекрасный портрет со злой карикатурой, даже шаржем. Всё, что в молодой женщине притягивало и привлекало – большой рот, прямой нос, высокий лоб, красиво очерченные скулы, – представало в облике парня в мелком и непропорциональном виде. «Родственники? Брат и сестра?» – промелькнуло в голове у Садовниковой. И практически сразу эта гипотеза получила свое подтверждение.

Девушка в паспорте значилась как Качалова Ольга Семеновна 1983 года рождения. А молодой человек оказался Черевикиным Олегом Семеновичем 1988-го. Да, фамилии разные. Но отчество-то одно.

И еще: прописаны они оказались по одному и тому же адресу! Город М., улица Авроры, дом 129, квартира ***.

– Вы родственники? – спросила Татьяна.

– Да, он мой брат, – отвечала красотка с некоторым почему-то вызовом.

Она же принесла с собой паспорт убитого.

Он оказался Качаловым Игорем Юрьевичем, 1978 года, прописанным там же, где и предыдущие два персонажа, – на улице Авроры, дом 129 в городе М. Штамп в паспорте гласил, что убитый с красоткой поженились девять лет назад, в 2009-м, в загсе города М.

Итак, имелся странный триумвират персон, проживавших под одной крышей: жена, муж, брат.

Один из них убит. Логично подумать на кого-то из двух оставшихся, кто находился с ним в одном купе.

Кроме того, Татьяна заметила еще кое-что, о чем движением бровей просигнализировала отчиму, когда тот мельком глянул в ее сторону, – присмотрись, мол. Тот увидел ее «маячок» и понял без слов.

Да, на рубашке у брата, на груди, – крохотное ярко-алое пятнышко. Причем каплевидной формы, вытянутой вверх – как бывает, когда капля вылетает снизу вверх.

Брат отошел, стали записываться другие. Сначала англичане. Протягивали паспорта со своими, как писал Маяковский, «двухспальными лёвами», которые при ближайшем рассмотрении оказались украшены не двумя львами (как виделось поэту), а львом и единорогом. Потом записались старички-болельщики с ребенком (оказались из Петербурга), поклонники бога Перуна (москвичи), китайцы...

Механически заполняя графы своей доморощенной таблицы, Татьяна постоянно видела, как бы на втором плане, кто в зале чем занят.

Народ, поначалу пришибленный, помаленьку приходил в себя. Начались громкие разговоры. Англичане ржали на своем кокни, что стали персонажами истории в духе Агаты Кристи: убийство в Восточном экспрессе, да. «Этот толстяк, – удалось разобрать ей, – выполняет роль Пуаро, а та красотка за стойкой – очевидно, капитан Гастингс».

Разговорился и один из россиян. Он занял место за столиком рядом со «славянами» и тем красавчиком, что сразу привлек внимание Татьяны.

– В двенадцать, в двенадцать ночи надо за билетами на сайт ФИФА заходить! – горячился он. – Я так – р-раз – и с ходу четыре билета на разные матчи купил! Дорого, конечно, как чугунный мост, да ладно, такой чемпионат раз в жизни бывает. Спасибо, как говорится, нашим партии и правительству, что провели у нас сначала Олимпиаду в Сочи, а затем это первенство!.. Ну, я сразу на самолет –

я в Кемерове живу – и сюда, в Европу. В Москве на бесплатный поезд ФИФА попал, сначала съездил в Ростов, увидел, как бельгийцы японцев раскатывают. Потом – снова в столицу. Два дня в вип-зале Казанского вокзала ночевал. Потом на «Ласточке» в Нижний Новгород, на матч Бельгия – Хорватия. Как хорватский вратарь пенальти послематчевые тащил, а?! Потом из Нижнего на бла-бла-каре – сюда, в М. Не, ну клевый вчера матч был!.. Кстати, не пора ли нам уже выпить? Помянуть, так сказать, покойного? В ресторане мы находимся или где?.. А кстати, мужики. Что-то у меня все смешалось. Вы не помните, какое сегодня число?

Постепенно появились повара и официанты. Стали возиться в кухне за спиной Татьяны. А что делать? Как говорится, война войной – а обед по расписанию.

Вроде всех девушка в таблицу занесла, включая проводниц. Худенькая Любовь оказалась родом из Ульяновска, разведена, сыну двенадцать лет, а ей самой – тридцать восемь.

Таня сложила листочки, сделала пометку вверху, против Качаловой и Черевикина, «брат и сестра», вышла из-за стойки, подала отчиму.

Он как раз с англичанами балагурил. Обсуждали ночной храп. Валерий Петрович самоиронично заметил, что он и сам наверняка сегодня воздух сотрясал.

Мужик-островитянин, который ехал в соседнем отсеке вместе с убитым, засмеялся: «Мы тоже не молчали! Тот парень, которого зарезали, знатный храпун. А потом вдруг, в один момент – раз, и оборвалось».

– Дверь снаружи кто-то при этом открывал?

– Да вроде нет.

Ходасевич бегло и как бы наискосок просмотрел Танины заметки. Сунул в карман брюк.

Потом вышел на середину вагона, воздел свою мощную длань, призывая всех к порядку, и провозгласил:

– Господа! Я прошу поднять руку тех из вас, кто приехал на вокзал и сел в поезд непосредственно после матча, прямо со стадиона, со своим багажом.

Таковых оказалось немало: старички с мальчиком, китайцы, пуэрториканцы, англичане и тот заядлый любитель из Сибири, что ночевал в вип-зале вокзала. Не прямо с футбола прибыли лишь уроженцы М., семья убитого, парень-красавец да двое мускулистых с языческими татушками.

– Кто-то при этом оставлял свои вещи в камерах хранения вокзала или стадиона?

Да, и такие нашлись: пенсионеры с внуком и китайцы.

В первый момент Татьяна не могла понять, зачем это, а потом до нее дошло: на стадионах – строжайшие меры безопасности. Никто не сможет туда ни в коем случае пронести кинжал типа того, каким был убит несчастный Гарик Качалов. Поэтому те, кто после матча сразу с вещами отправился на вокзал (и не оставлял их предварительно в камере хранения), могут быть вне подозрений. Существует, конечно, вариант, что некто третий, неизвестный соучастник, передал им оружие по дороге или в самом поезде, но слишком уж это получается затейливо.

Итак, пуэрториканцев, англичан и сибиряка из списка подозреваемых можно вычеркивать?

Татьяна всю дорогу следила за красавицей Ольгой и ее братом. Они представлялись ей самыми подозрительными, особенно после той маленькой детали – капельки крови, которую она заметила. Вдобавок у женщины имелся мощный мотив: избавиться от опостылевшего мужа. Но боже мой, почему так сложно? Зачем в вагоне, после футбола, с кучей свидетелей и огромным риском?

Качалова выглядела заледенелой, будто бы замороженной. Виновата она или нет? Было трудно представить, что творится в ее душе. Она только что потеряла мужа. Но прав Ходасевич: вообразить, что молодая женщина хладнокровно вонзила нож ему в грудь, под шею, да с одного удара, да сразу насмерть, было трудно.

А брат ее Черевикин пребывал в явном неадеквате. Вдруг, не обращая ни к кому конкретно, он довольно громко, сбивчиво и сумбурно заговорил:

– Я сколько ему говорил: хватит храпеть! Не храпи!

Красавица-Ольга цыкнула на него:

– Перестань! Замолчи!

Лицо ее стало по-настоящему злым.

Но тот, не обращая на нее внимания, продолжал:

– Я говорил ему: иди, лечись! Что ты храпишь, как грузчик?! Молодой ведь вроде человек. Да и пьянство бесконечное. Как говорится, о мертвых ничего, кроме хорошего, но в самом деле! Доколе, как говорится, можно терпеть!

– Заткнись!! – гаркнула Качалова и даже чуть не замахнулась на брата.

Но Ходасевич, казалось, не обратил на инцидент ни малейшего внимания. К нему как раз пришел из седьмого вагона давешний полицейский лейтенантик, отозвал в узкий коридорчик рядом с кухней и стал что-то докладывать. Таня поспешила к ним. Помощница она, как ее, в конце концов, объявил Ходасевич, или нет? Имеет право знать.

Успела услышать лишь обрывок:

– ...у него под подушкой – психотропный препарат. Галоперидол в таблетках.

Татьяна влезла:

– Имеется в виду брат жены убитого?

Лейтенантик кивнул, с некоторым даже удивлением от ее осведомленности.

А полковник в отставке проговорил, обращаясь к нему, одними губами:

– Думаю, вам пора его брать. И пожалуйста, пошумнее. Вам же этот шум в итоге поможет.

Юный полицейский сосредоточенно кивнул, подозвал к себе сержанта (или старшину), и они вдвоем отправились к столику, за которым сидели красавица-вдова и ее брат. Когда достигли цели, лейтенантик не без пафоса обратился к странному молодому человеку:

– Гражданин Черевикин, вы задержаны по подозрению в убийстве вашего зятя Игоря Качалова. Пройдемте.

Сестра его закричала – несколько, как показалось Тане, ненатурально:

– Вы не имеете права! Где ваши доказательства?!

А Черевикин театрально захохотал:

– Я ведь ему говорил! Говорил! Я предупреждал его! Хватит! Хватит, Игоряша, говорил я ему! Перестань, говорил, храпеть!

7

Процессия отправилась в противоположную сторону от ресторана, нежели «родной» седьмой вагон, – в штабной, под номером восемь. Группу возглавлял лейтенант, за ним следовал преступник, руки за спину – спецсредства в виде наручников решили не применять. Дальше шел полисмен мелкого звания, потом Ходасевич и, наконец, Татьяна. Она решила, что раз столько сделала для расследования, то никто не имеет права ее гнать и рассказывать сказки про тайны следствия.

На ходу, над дрыгающейся сцепкой, девушка бросила отчиму:

– Ты ведь заметил?

– Еще бы.

– А кто был первый, ты или я?

– Тебе сильно вредит, – пробурчал в ответ экс-полковник, – излишнее тщеславие.

Таня не осталась в долгу, съязвила:

– А тебе, Валерочка, сильно вредит твоя старческая близорукость.

Да, они поняли друг друга без слов и разглядели на застегнутой на все пуговицы рубашке убийцы крошечную капельку красного цвета – возможно, крови.

Расположились в одном из штабных купе. Судя по тому, как в нем попахивало – мужиками, казармой, – то было постоянное пристанище полицейских.

Лейтенант объявил:

– У нас допрос неофициальный, просто опрос, поэтому присутствие посторонних лиц является допустимым. А вам, гражданин Черевикин, я советую сейчас, как говорится, облегчить душу. И, что называется, отрепетировать ваши будущие показания, с тем чтобы в итоге суд и приговор как можно более полно учел смягчающие дело обстоятельства. Итак, рассказывайте. С какого времени вы состоите на учете в психоневрологическом диспансере?

Черевикин вздрогнул от неожиданности, вышел из того ступора, в который его повергло задержание, и автоматически проговорил:

– С девятого года.

– Две тысячи девятого? – уточнил лейтенант.

– Да.

– В стационаре лечились?

– Да. Три раза. Или два.

– Ну вот! – воскликнул полицейский, сменив тон и переходя на гораздо более панибратский: – Самое время тебе косить под неменяемое состояние. Да ты,

наверно, в нем и находился? Выпил лишку? Или таблеток наглотался?

Черевикин не отвечал.

- Ты почему зятя своего убил? Личные неприязненные отношения? В одной квартире жили? Затрахал он тебя, грубо говоря? Доставал? Издевался? Давай, говори, тебе ж зачтется, если окажется, что у тебя мощный мотив его порешить.

- Нет. Все хорошо у нас с ним. Мы с ним друзья были.

- Почему ж ты его на перо посадил?

- Я говорил ему: не храпи. Сто раз говорил. Иди, говорил, лечись. А он все равно. Его Олька из своей комнаты выгоняла, когда он пьяный был. И он ко мне в залу ночевать являлся. И храпит, храпит. Я спать не мог. На кухне на табуреточке закемаривал. В ванную залезал, от него прятался.

- Хотите сказать, вы своего зятя за храп порешили?

- Выходит, так. Переполнилась чаша терпения.

- Где вы взяли орудие убийства? - вдруг вклинился отчим.

- А? - растерянно откликнулся обвиняемый.

- Нож где взял?! - гаркнул лейтенант.

- Я... я не знаю...

- Скажите, Черевикин, - сменил тему Ходасевич, - ваша сестра успехом у мужчин пользовалась?

- Ну конечно, такая красавица! - разулыбался убийца.

- А любовники у нее имелись?

- Я не знаю. Нет.

- Вы ее ни с кем никогда не видели? Я имею в виду - с посторонними мужчинами? На улице или домой к ней приходили?

- Нет.

- Кем она работает?

- Медсестрой.

- Где? В больнице, поликлинике?

- В больнице. Областной клинической, - сказал подозреваемый с гордостью.

- Отлично. А ваш бывший зять?

- Он слесарь, на заводе. Был.

- А вы? Заняты общественно полезным трудом? Или на инвалидности?

- Работаю. Курьером.

- Хорошо. А теперь расскажите подробно, шаг за шагом, как вы убили своего зятя. По пунктам. Где взяли нож. Где его хранили. Как пронесли в поезд. Где он у вас лежал в купе. Как вы спустились со своей верхней полки. Как взяли в руку орудие преступления. Как ударили ножом гражданина Качалова. Куда ударили. Сколько раз. Мы еще ведь и следственный эксперимент проведем. То есть вы наглядно покажете, как дело было.

- Я не помню... Я ничего не помню... Он храпел, храпел... У меня голова раскалывалась... И тут я что-то сделал, и он раз - и перестал.

- Понятно, - удовлетворенно сказал Ходасевич, а потом, побряхтывая, встал и поманил Таню в коридор: - А ну-ка, давай выйдем.

– Таня, у меня к тебе будет ответственное задание. Как я тебе уже говорил, надо искать связи, – начал отчим. – Связи между убитым и другими пассажирами. Разыскивай давай, как хочешь. Используй свой любимый Интернет. Главным образом меня интересуют этот Черевикин, его сестра Качалова и кто-то третий. Ты поняла?

– Вполне. А ты что будешь делать?

– Другими делами займусь, – уклончиво ответил Валерочка.

Татьяна отправилась в свое купе, устроилась на собственной нижней полке.

Отчим где-то шлялся. Допрашивал Черевикина? Или искал другие доказательства?

Вернулись латиноамериканцы. Залезли наверх и продолжили дрыхнуть. Штору они так и не поднимали, поэтому в купе царила приятная темень. А оно девушке на руку. Ничто не беспокоит, не отвлекает. И дверь она заперла. Придет Ходасевич или кто-то еще – постучится.

Правда, с Интернетом в экспрессе дело обстояло не очень. Временами – но короткими, – когда едешь через более-менее крупные города или поселки, на дисплее появляется значок «LTE». В другие часы – хорошо если «3G». А то ведь и просто «E».

Да, просторы Родины велики и далеко не все покрыты надежной мобильной связью!

Временами покрытие вовсе исчезало – даже обычная телефонная сеть. Начнешь открывать сайт, или фотографию, или карту – и тянуться этот процесс может бесконечно.

Вдобавок компа под рукой нет, один смартфон с крошечным дисплейчиком.

Но все равно главный инструмент – голова на плечах – имелся.

Первым делом Татьяна поглядела карту раскинувшегося на берегу Волги города М. Нанесла на нее метку, где была прописана на улице Авроры семейка Качаловых-Черевкиных.

Глянула, далеко ли Ольге Качаловой было ездить в свою областную клиническую больницу. Потом просмотрела адреса остальных пассажиров вагона.

Помнится, ведь был среди них м-ский уроженец. И впрямь, им оказался тот самый красавчик, на которого девушка сразу обратила внимание: Илья Ходыженцев, 1977 года рождения, разведенный с 2011 года, двое детей – шестого и восьмого года. Адрес по прописке – М., улица Гагарина, дом 24А.

Таня взглянула на карту. А они-то, две прямые и длинные городские артерии, Авроры и Гагарина, на карте города рядом! Пересекаются под прямым углом. И от дома Качаловых-Черевкина до дома Ходыженцева – пара километров!

Но, с другой стороны, подобная географическая близость ничего не доказывает. Мало ли кто с кем рядом живет в городе-миллионнике!

Тогда Татьяна стала штудировать соцсети. Искать в них Качалова, Качалову, Черевкина, Ходыженцева.

В Фейсбуке – нет. В Одноклассниках – нет. А вот ВКонтакте нашлись и Ольга Качалова, и Илья Ходыженцев.

И – опа! – они, Ходыженцев и Качалова, оказывается, числятся друг у друга в друзьях!

Значит, знакомы? Почему же тогда в поезде и позже, в ресторане, когда началось следствие, делали вид, что друг дружке неведомы?

Правда, никаких больше свидетельств их связи в соцсети не находится. Никаких совместных фотографий. Никаких перекрестных лайков. Ничего.

Тогда Таня решила подробнее изучить личность гражданина Ильи Ходыженцева. Забила в поисковике его фамилию – благо, не самая распространенная – и пометку, откуда он.

И – ничего себе! – в раздаче появилось: врач, хирург. Правда, больница другая, нежели та, где служит Ольга, – М-ская городская номер три (та, помнится, медсестра в областной клинической). Но все равно вторая сцепка между обоими налицо – единая профессиональная среда.

Изображение каждого, соло, в Сети имелось. И не одно.

Но совместных – ни единого. Значит, все-таки незнакомы? Или шифруются? Берегутся? Опасаются?

Опасаются – кого? Ее мужа? Его бывшей жены? Детей? Коллег?

И тогда Татьяна запустила в поисковике: «Отыскать по изображениям». Глаза уже вытекали, когда, спустя несколько часов интернет-серфинга, на сайте минздрава М-ской области, наконец, обнаружилось их совместное фото: молодые, красивые, улыбающиеся – и главное, рядышком, плечом к плечу! Подпись: научно-практическая конференция, сентябрь 2017 года.

Значит, наверняка-таки знакомы лично.

Правда, на том фото присутствовали еще пять человек, врачей и медсестер.

Поэтому и от снимка влегкую можно отбояриться, и это не доказательство.

Но основания хотя бы задать вопрос подозреваемым имеются: если они знакомы, почему тут, в вагоне, и позже, в ресторане, упорно не обращали друг на друга внимания?

И еще одно. Отчим очень просил вспомнить – ночью она ведь не спала, бродила по коридору, – была ли заперта дверь соседнего купе. Того самого, где произошло убийство. Это ведь видно снаружи – повернута защелка внутри или нет.

И – да, Татьяна вспомнила: дверь соседнего купе заперта не была.

Уже можно было с чем идти к Валерию Петровичу.

Спустя семь часов после того, как крик Ольги Качаловой прорезал ночное пространство вагона и литерный поезд подбирался к станции «Рязань», отчим и Татьяна во второй раз за сегодняшний день переступили порог вагона-ресторана. Их сопровождал полицейский наряд в полном составе: лейтенантик и два чина помладше.

В ресторане дым стоял коромыслом. Садовникова непроизвольно отметила, что многие из пассажиров седьмого вагона, которые по вынужденным обстоятельствам заняли там места еще рано утром, оттуда, кажется, и не уходили. Например, пятерка англичан, к которым присоединились еще столько же соотечественников с других посадочных мест – они оккупировали два столика и продолжали горланить свое: «It`s coming home!» Увлеченный футболом сибиряк уже изрядно нагрузился и громко вспоминал эпизоды чемпионата тысяча девятьсот лохматого года.

Но самое главное – за тем же столом, что утром, рядом друг с другом преспокойненько помещались оба героя Таниных изысканий: медсестра и новоиспеченная вдова Ольга Качалова и м-ский хирург Илья Ходыженцев! Мило беседовали друг с дружкой! И – самый первый взгляд! – Таня отметила, как они сидели. Как смотрели друг на друга. Как касались друг друга плечами. И перестала сомневаться: нет, они не просто знакомы. И не просто познакомились здесь и сейчас и у них что-то наклевывается. Нет, они любовники – давние и тайные.

Отчим подошел к ним первым. С приятной улыбкой, обращаясь к женщине, процитировал:

– Как говорится, башмаков еще не износила, в которых шла за гробом[6 - Цитата из «Гамлета» У. Шекспира (в переводе Н. Полевого).]...

Лицо Ольги сразу закаменело.

А лейтенант полиции – тут как тут – тоже проявил недюжинную эрудицию:

– Муж в могиле, брат в тюрьме, помолитесь обо мне! [7 - Искаженная цитата из «Реквиема» Анны Ахматовой: «Муж в могиле, сын в тюрьме, помолитесь обо мне».]

Садовникова прям его зауважала – Ахматову цитирует!

Качалова немедленно окрысилась:

– Что я, в ресторан теперь никогда не смогу сходить?! И где мне прикажете сидеть? В мое купе меня не пускают! Место преступления, видите ли!

– В деле убийства вашего мужа, – спокойным тоном, не обращая внимания на ее вопли, продолжил лейтенант, – открылись новые обстоятельства. Я прошу вас следовать за нами. Вас обоих.

Любовники (а Таня, да, не сомневалась, что они любовники) переглянулись. Поднялись из-за стола.

Тут вступил отчим. Диапазон эмоций, которые он демонстрировал на публике, обычно бывал весьма широк. Артист настоящий – в этом его падчерица не раз убеждалась. Вот и сейчас он произнес дурашливым голосом:

– Как говорится, мальчики – налево, девочки – направо.

И – так, видимо, было заранее договорено с полицейскими – один младший чин оттеснил Ольгу от хирурга Ходыженцева и в сопровождении лейтенанта повел ее в сторону восьмого, штабного вагона.

Второй старшина (сержант?) указал дорогу мужчине-подозреваемому в прямо противоположном направлении.

За ним пошел Ходасевич. Татьяна, не будь душой, увязалась за отчимом.

Они остановились на площадке своего седьмого вагона. А тут как раз поезд стал замедлять ход. Замелькали дебаркадеры, гаражи, бетонные заборы, граффити и многоэтажки довольно большого города. На площадку вышла проводница Любовь. Бросила любопытствующий взгляд на живописную группку: младший

полицейский чин, Татьяна, пожилой и толстый Ходасевич, эффектный (но заметно нервничающий) хирург. Валерий Петрович, наступая своим животом, практически оттеснил задержанного к противоположной двери.

Меж тем рыжеволосая худышка в отглаженной форме РЖД распахнула дверь вагона и откинула прикрывавший ступени порожек.

- Остановка? - крикнул ей отставной полковник.

- Не остановка, но на малой скорости пройдем. Станция, - радушно откликнулась проводница и встала на ступеньки, держа в руке свернутый красный флажок.

- Лучше бы вам тут выпрыгнуть и деру дать, - неожиданно обратился отчим к Ходыженцеву.

Тот окрысился и покраснел:

- С чего бы это?

- Да с того, что с какой стати вы сегодня в поездной душ в шесть ноль пять утра ходили?

- Вам-то какое дело?! Захотел и пошел!

- Правильно. Убийство, как мы установили в ходе осмотра, произошло ориентировочно около пяти тридцати, а в шесть вы вдруг решили воспользоваться единственным на поезд душем. Не знали, что каждого моющегося в спецжурнальчик записывают, когда денежку с него берут? А вы, когда мыться пришли, еще так глупо врать стали. Дескать, я из десятого вагона и фамилия моя Квасов. Зачем, спрашивается, лгать, если вы ни при чем?

- Никакой душ ничего не доказывает!

- А капелька крови?

- Какая еще капелька?

– Которую вы после убийства спящему гражданину Черевикину на рубашечку нанесли? Капнули сверху со своей перчаточки – очень правдоподобно.

– Откуда я знаю про его рубашечку? И где он в крови вымазался! При чем здесь я!

– А перчаточки?

– Какие еще перчаточки?

– Окровавленные. С вашими отпечаточками пальчиков.

– Не понимаю, о чем вы.

– Выкинули вы их. В окошко вагона. Непосредственно после убийства. Тонкие, белые, хирургические. Думали, Россия большая, путь из города М. в Москву длинный – никто и не найдет. А ведь наши люди их нашли. Прочесали пути да и обнаружили. И теперь только вопрос времени – провести экспертизу, отыскать там ваши отпечатки и кровь несчастного Черевикина.

На лицо хирурга было жалко смотреть. Он слушал Ходасевича в оцепенении, с неизбывным ужасом.

Поезд вздрогнул и все-таки остановился на станции.

– Так что все для вас кончено, – продолжал полковник в отставке. – Вы знаете, остановка здесь не запланирована, однако поезд притормозил по моей просьбе. И вот прямо сейчас и здесь, на станции «Рязань», к нам на борт поднимается судмедэксперт, а у него в руках – криминалистический чемоданчик, в коем находится в том числе прибор типа «блюстар» для обнаружения слабовидимых пятен крови. Знаете, такой с люминолом, плюс инфракрасный фонарик. Наверняка в сериалах видали. И знаете поговорку – черного кобеля не отмоешь добела? Это как раз про вас. Потому что как бы вы в душе ни плескались, никогда следы и пятна крови не отмоете, не ототрете, чтоб совсем незаметно стало. Вот мы их и зафиксируем.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

СВР – служба внешней разведки.

2

См., например, романы Анны и Сергея Литвиновых «Девушка без Бонда», «Парфюмер звонит первым».

3

МПС – министерство путей сообщения.

4

В реальности матча Англия – Коста-Рика на чемпионате мира не происходило, сам его факт и все перипетии являются домыслом авторов.

5

Гимн болельщиков английской сборной: «Он возвращается домой!» Под местоимением «он» имеется в виду кубок мира, а «домой» – потому что именно Англия считается родиной и колыбелью футбола.

6

Цитата из «Гамлета» У. Шекспира (в переводе Н. Полевого).

7

Искаженная цитата из «Реквиема» Анны Ахматовой: «Муж в могиле, сын в тюрьме, помолитесь обо мне».

Купить: https://tellnovel.com/ru/litvinovy_anna/karnaval-nasmert

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)